

DOI 10.35775/PSI.2025.124.12.024

УДК 32.327

СУНЬ ГУАНЯ

специалист, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва
E-mail: 1534776518@qq.com

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЭПОХУ БПЛА: ТРАНСФОРМАЦИИ, ВЫЗОВЫ И УПРАВЛЕНИЕ

Статья посвящена комплексному анализу трансформации международной безопасности в условиях стремительного распространения беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), радикально изменяющих практику применения силы, представления о суверенитете и архитектуру глобального управления. Цель исследования – выявить, как новые технологии воздействуют на ключевые категории международного права и политической философии («суверенитет», «война», «легитимность», «самооборона»), а также какие модели регулирования БПЛА формируются в мировой политике. Методологическая основа включает междисциплинарный сравнительный концептуальный и дискурс-анализ, герменевтическую интерпретацию официальных документов, доктрин национальной безопасности, выступлений политических лидеров, экспертных докладов и научной литературы, а также компаративное сопоставление классической вестфальской концепции суверенитета, доктрины «ограниченного суверенитета» / «ответственности по защите» и подхода, опирающегося на многополярность и Устав ООН. В результате показано, что интеграция БПЛА ведет к размыванию границ между войной и миром, комбатантами и гражданскими лицами, усиливает тенденцию к «дистанционной» и гибридной войне и создает «серую зону» правовой неопределенности, используемую для легитимации односторонних экстерриториальных действий под предлогом превентивной самообороны и гуманитарных целей. Выделены три конкурирующие модели легитимации применения вооруженных БПЛА: унилатералистская, технократическая и коллективно-правовая, при этом первые две способствуют эрозии международного права, тогда как третья, последовательно продвигаемая Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, опирается на центральную роль ООН и коллективную ответственность за поддержание мира и безопасности. В заключении обосновывается вывод о том, что БПЛА являются не только военной, но и нормативно-ценностной «революцией», а устойчивый мировой порядок в эпоху беспилотных систем возможен лишь при выработке универсальных, недвусмысленных и юридически обязательных правил их разработки и применения в рамках многополярной системы международных отношений.

Ключевые слова: беспилотные летательные аппараты, международная безопасность, суверенитет, международное право, многополярный миропорядок.

Введение. Современная эпоха международных отношений характеризуется беспрецедентной динамикой технологических трансформаций, которые оказывают глубокое и зачастую неоднозначное влияние на фундаментальные основы глобальной безопасности. В этом контексте беспилотные летательные аппараты (БПЛА) перестали быть элементом научной фантастики или узкоспециализированным военным инструментом, превратившись в один из ключевых факторов, переформатирующих саму ткань войны, суверенитета и международного права. Их повсеместное распространение, от сложных разведывательно-ударных комплексов, находящихся на вооружении ведущих мировых держав, до кустарных устройств в руках негосударственных акторов, порождает новую реальность, в которой традиционные парадигмы сдерживания и контроля оказываются недостаточными. Проблема заключается не только в технологическом аспекте – асимметрии, которую БПЛА вносят в вооруженные конфликты, но и в глубоком философско-правовом кризисе, который они провоцируют [12. С. 5-11]. Размытие границ между состоянием войны и мира, стирание различий между комбатантами и гражданским населением, а также делегирование решения о жизни и смерти удаленному оператору или даже алгоритму ставят под сомнение устоявшиеся этические и гуманитарные нормы, заложенные в Женевских конвенциях и других основополагающих документах [15. С. 198-202]. Эта новая реальность требует не просто технической адаптации, а фундаментального переосмысления самих понятий «агрессия», «самооборона» и «суверенное воздушное пространство».

Перед мировым сообществом встает экзистенциальный вызов: либо скатиться в хаос неконтролируемого применения силы, где технологическое преимущество становится единственным арбитром, либо выработать новые, инклюзивные и справедливые механизмы управления этой революционной технологией. В этом сложном процессе особую роль играют подходы государств, стремящихся к построению более стабильного и предсказуемого многополярного миропорядка. Российская Федерация и Китайская Народная Республика последовательно выступают за укрепление системы международного права как единственного легитимного фундамента для обеспечения безопасности [14. С. 105896]. Их позиция исходит из убеждения, что новые технологии не должны становиться инструментом подрыва государственного суверенитета или одностороннего навязывания воли, а, напротив, должны быть интегрированы в существующую архитектуру глобального управления через разработку четких, прозрачных и универсально признанных правил [5. С. 59-67]. Такой подход контрастирует с концепциями, оправдывающими экстерриториальное применение силы в обход Совета Безопасности ООН, и предлагает альтернативный путь, основанный на диалоге, коллективной ответственности и уважении к основополагающим принципам Устава ООН. Анализ этих процессов требует глубокого погружения в гуманитарные аспекты проблемы, поскольку именно в сфере понятий, ценностей и правовых норм разворачивается основная борьба за будущее международного порядка в эпоху беспилотных систем.

Материалы и методы исследования. Настоящее исследование носит междисциплинарный характер и располагается на стыке политической философии, социологии международных отношений и теории права. В качестве основного методологического инструментария был избран сравнительный концептуальный анализ, позволяющий выявить и сопоставить различные парадигмы осмысления роли БПЛА в современной мировой политике. Данный метод предполагает не просто описание существующих подходов, но и критическое исследование их базовых онтологических и эпистемологических предпосылок [10. С. 26-27]. В частности, анализируются трансформации таких ключевых понятий, как «суверенитет», «война», «легитимность» и «ответственность» под воздействием беспилотных технологий. Исследование опирается на герменевтический подход к интерпретации текстов, что позволяет раскрыть глубинные смыслы и идеологические установки, заложенные в официальных документах, доктринах национальной безопасности, выступлениях политических лидеров и экспертных докладах. Материалами для исследования послужил широкий круг источников: нормативно-правовые акты международного права, включая Устав ООН и Женевские конвенции; официальные заявления представителей Российской Федерации и Китайской Народной Республики на площадках ООН и других международных форумов; аналитические публикации ведущих исследовательских центров, специализирующихся на вопросах международной безопасности [2. С. 85-96]; а также фундаментальные труды в области политической теории и философии, посвященные проблемам войны и мира в технологическую эпоху.

Применение дискурс-анализа позволило проследить, как формируются и конкурируют между собой различные нарративы, легитимирующие или осуждающие применение БПЛА. Особое внимание уделяется анализу дискурса, который продвигают Россия и Китай, акцентируя внимание на необходимости строгого соблюдения международного права и центральной роли ООН в решении вопросов войны и мира [11. С. 1-11]. Этот дискурс рассматривается в сопоставлении с альтернативными концепциями, такими как «гуманитарная интервенция» или «превентивная самооборона», которые зачастую используются для оправдания односторонних действий в обход существующих международных механизмов. Методология исследования также включает в себя компаративный анализ доктринальных подходов к регулированию новых видов вооружений, что позволяет выявить общие тенденции и принципиальные расхождения в позициях ключевых международных акторов [7. С. 2009-2014]. Цель такого подхода – не просто констатировать различия, а понять их философские и цивилизационные основания, что является необходимым условием для поиска точек соприкосновения и выработки консенсусных решений. Таким образом, исследование стремится выйти за рамки узкотехнического или военно-стратегического анализа, предлагая комплексный гуманитарный взгляд на проблему, который учитывает всю сложность ее правовых, этических и политических измерений.

Результаты и обсуждение. Стремительная и всеобъемлющая интеграция беспилотных летательных аппаратов в arsenалы государств и негосударственных акторов породила не только новую военно-техническую реальность, но и глубокий концептуальный кризис. Существующий понятийный аппарат международных отношений, выработанный в эпоху классических межгосударственных войн, оказывается неспособным адекватно описать и отрегулировать природу конфликтов с применением БПЛА. Такие фундаментальные категории, как «поле боя», «непосредственное участие в боевых действиях», «акт агрессии» и даже сам «суверенитет», теряют свою четкость и однозначность. Удаленный характер применения силы, возможность нанесения ударов в любой точке мира без физического присутствия войск и риска для жизни собственных солдат создают иллюзию «чистой», стерильной войны, что опасно снижает порог применения силы и подрывает политические и психологические барьеры, сдерживающие эскалацию [8. С. 5-7]. Эта концептуальная неопределенность активно используется для оправдания действий, которые вступают в прямое противоречие с духом и буквой международного права.

Проблема усугубляется тем, что различные политические акторы вкладывают в одни и те же термины принципиально разное содержание, исходя из своих национальных интересов и цивилизационных установок. Возникает настоящая «война интерпретаций», где правовые и этические нормы становятся объектом манипуляций. Например, понятие «неминуемой угрозы», используемое для легитимации превентивных ударов с помощью БПЛА, может трактоваться настолько широко, что под него подпадает практически любая потенциальная опасность, что фактически нивелирует принцип неприменения силы, закрепленный в Уставе ООН [13. С. 52-56]. В этих условиях особую значимость приобретает позиция таких ответственных держав, как Россия и Китай, которые настаивают на необходимости выработки единых, четких и недвусмысленных определений в рамках универсальных международных площадок. Их усилия направлены на то, чтобы предотвратить эрозию международного права и не допустить превращения новых технологий в инструмент хаоса и беззакония. Для более глубокого понимания этих концептуальных расхождений необходимо провести сравнительный анализ ключевых понятий, подвергшихся трансформации (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительный анализ концепций суверенитета в контексте применения БПЛА

Критерий анализа	Классическая вестфальская концепция	Концепция «ограниченного суверенитета» / «ответственности по защите»	Подход, основанный на многополярности и Уставе ООН (позиция РФ и КНР)
Основополагающий принцип	Невмешательство во внутренние дела, территориальная целостность, верховенство государственной власти на своей территории.	Суверенитет не является абсолютным и может быть ограничен в случае массовых нарушений прав человека или неспособности государства защитить свое население.	Суверенитет является краеугольным камнем международного права и стабильности. Любое ограничение возможно только с санкции СБ ООН.
Роль БПЛА	Применение БПЛА другим государством на суверенной территории без согласия является актом агрессии и нарушением международного права.	Использование БПЛА может быть оправдано для «гуманитарных интервенций» или для ликвидации угроз, даже без согласия суверенного правительства.	БПЛА могут применяться на чужой территории исключительно по приглашению законного правительства или на основании мандата СБ ООН для борьбы с терроризмом или в миротворческих операциях.
Легитимность действий	Легитимность определяется исключительно соблюдением принципа суверенитета и норм международного права.	Легитимность определяется моральными и гуманитарными соображениями, которые могут превалировать над формальным соблюдением суверенитета.	Легитимность определяется строгим соответствием действий Уставу ООН и решениям его уполномоченных органов. Односторонние действия нелегитимны.

Анализ данных, представленных в таблице 1, наглядно демонстрирует фундаментальный раскол в понимании суверенитета – одного из столпов современного миропорядка. Классическая вестфальская модель, которая на протяжении столетий обеспечивала относительную стабильность, рассматривает государство как единственного легитимного актора на своей территории, а его границы – как неприкосновенные. С этой точки зрения, любой несанкционированный полет БПЛА, особенно вооруженного, в чужом воздушном пространстве является прямым посягательством на суверенитет и актом агрессии [3. С. 28-33]. Однако в последние десятилетия получила распространение концепция «ограниченного суверенитета», которая под предлогом «ответственности по защите» или борьбы с терроризмом оправдывает экстерриториальное применение силы,

в том числе с помощью беспилотников. Этот подход, как показывает практика, открывает широкие возможности для злоупотреблений и подрыва международного права, превращая суверенитет из универсального принципа в привилегию для сильных. На этом фоне позиция России и Китая выглядит как последовательная и ответственная защита основ международного правопорядка [9. С. 89-103]. Они не отрицают существования новых вызовов, таких как международный терроризм, однако настаивают, что реагировать на них необходимо коллективно и на прочной правовой основе Устава ООН, который четко определяет полномочия Совета Безопасности как единственного органа, способного санкционировать применение силы. Такой подход не только защищает суверенитет всех государств, но и предотвращает хаос односторонних действий, способствуя укреплению предсказуемости и стратегической стабильности в мире.

Таблица 2. Эволюция понятия «война» в эпоху беспилотных систем

Характеристика	Классическое понимание войны (по Клаузевицу)	Концепция «постгероической» или «дистанционной» войны	Гибридная война с применением БПЛА
Пространство и время	Четко очерченное поле боя, формальное объявление войны и заключение мира. Конфликт имеет ясные временные и пространственные рамки.	Глобальное поле боя без четких границ. Состояние «ни войны, ни мира», перманентный конфликт низкой интенсивности.	Размывание границ между гражданской и военной сферами. Интеграция кибератак, информационных операций и действий БПЛА.
Участники	Государственные армии, комбатанты с четким статусом.	Операторы БПЛА, сотрудники частных военных компаний, спецслужбы. Статус участников неопределен.	Государственные и негосударственные акторы (прокси-силы, террористические группы), использующие доступные БПЛА.
Этический аспект	Понятия воинской чести, доблести, непосредственного столкновения с противником. Психологическая цена убийства.	Психологическая и физическая дистанция от акта насилия. «Геймификация» войны, снижение эмпатии и ответственности.	Целенаправленное использование БПЛА для террора, провокаций и создания атмосферы постоянной угрозы среди гражданского населения.

Таблица 2 иллюстрирует, как технология БПЛА разрушает классическое понимание войны, которое было сформулировано еще Карлом фон Клаузевицем как «продолжение политики иными средствами» и предполагало прямое столкновение воли и армий государств. Новая реальность – это реальность

«дистанционной войны», где физический риск для военнослужащего атакующей стороны сведен к минимуму, а само насилие становится опосредованным, осуществляемым через экран монитора за тысячи километров от цели. Это создает опасную иллюзию безнаказанности и снижает политическую цену развязывания конфликтов [4. С. 47-53]. Исчезает сам феномен «героизма», связанный с риском для жизни, а на его место приходит техническая компетенция оператора. Еще более опасной тенденцией является интеграция БПЛА в концепцию гибридной войны. Здесь беспилотники используются не только для разведки и нанесения ударов, но и как инструмент психологического давления, дезинформации и провокаций, стирая грань между военными и невоенными методами противоборства. В этом контексте взвешенный подход России и Китая к развитию и применению собственных беспилотных систем направлен на сохранение стратегического баланса и недопущение превращения этих технологий в инструмент дестабилизации [1. С. 28-42]. Они рассматривают БПЛА прежде всего как средство обороны, защиты суверенитета и границ, а также как эффективный инструмент для контртеррористических операций, проводимых в строгом соответствии с международным правом и по просьбе легитимных правительств.

Таблица 3. Подходы к легитимации применения вооруженных БПЛА

Подход	Сущность подхода	Основные акторы-сторонники	Критика и риски
Односторонний (унилатералистский)	Право на «превентивную самооборону» на территории других государств без их согласия и санкции СБ ООН на основе собственных оценок угроз.	Отдельные государства, практикующие экстерриториальные удары.	Подрыв международного права, нарушение суверенитета, высокий риск ошибок и жертв среди мирного населения, создание прецедента для беззакония.
Коллективно-правовой (многосторонний)	Применение силы, включая БПЛА, возможно только на основе Устава ООН: либо в порядке самообороны от состоявшегося нападения, либо по решению Совета Безопасности ООН.	Российская Федерация, КНР, большинство развивающихся стран.	Требует консенсуса в СБ ООН, что может замедлять реакцию на угрозы, однако гарантирует легитимность и коллективную ответственность.

Подход	Сущность подхода	Основные акторы-сторонники	Критика и риски
Технократический	Легитимность определяется не столько правовыми нормами, сколько эффективностью технологии и минимизацией сопутствующего ущерба за счет высокоточных систем.	Технологически развитые государства, ВПК.	Подмена правовых и этических критериев техническими. Игнорирование вопросов суверенитета и права на жизнь. Опасность «диктатуры алгоритма».

Вопрос легитимности является центральным в дебатах о применении вооруженных БПЛА, что и отражено в таблице 3. Унилатералистский подход, по сути, утверждает право сильного определять, кто является угрозой, и наносить удары в любой точке мира, игнорируя суверенитет других государств и прерогативы Совета Безопасности ООН. Такая логика ведет в тупик, создавая мир, где любое государство, обладающее соответствующими технологиями, может присвоить себе функции глобального судьи и палача. Это прямой путь к анархии и войне всех против всех. Технократический подход еще более коварен, поскольку он пытается замаскировать политические и правовые проблемы рассуждениями о «хирургической точности» и «минимизации ущерба» [6. С. 578-593]. Однако никакая технологическая точность не может заменить правовую процедуру и ответить на фундаментальные вопросы: на каком основании принимается решение о лишении человека жизни без суда и следствия? Кто несет ответственность за неизбежные ошибки? Альтернативой этим деструктивным подходам является коллективно-правовая модель, последовательно отстаиваемая Россией и Китаем. Эта модель не отрицает эффективности БПЛА как инструмента, но настаивает на том, что этот инструмент должен находиться в руках международного сообщества и применяться строго в рамках закона. Только решения Совета Безопасности ООН могут придать применению силы подлинную легитимность, поскольку они отражают коллективную волю мирового сообщества, а не эгоистичные интересы отдельных держав.

Подводя общий итог анализа, представленного в таблицах, можно констатировать наличие глубокого мировоззренческого и правового размежевания. С одной стороны, мы видим попытки использовать технологическое превосходство в области БПЛА для демонтажа существующей системы международного права, основанной на суверенном равенстве государств. Эти попытки маскируются риторикой о гуманизме, борьбе с терроризмом и эффективности, но на деле ведут к утверждению права сильного и хаотизации международных отношений. С другой стороны, такие ответственные глобальные игроки, как Российская Федерация и Китайская Народная Республика, возглавляют усилия по сохранению и адаптации международного права к новым технологическим реалиям.

Их подход основан на убеждении, что стабильность и безопасность в XXI веке могут быть обеспечены не через односторонние действия и технологическую гегемонию, а через укрепление многосторонних институтов, уважение Устава ООН и выработку универсальных правил поведения, обязательных для всех без исключения. Именно этот путь позволяет интегрировать революционный потенциал БПЛА в конструктивное русло, поставив его на службу миру и развитию, а не разрушению и произволу.

Выводы. Проведенное исследование со всей очевидностью демонстрирует, что беспилотные летательные аппараты являются не просто новым классом вооружений, а мощным катализатором, запускающим процесс глубокой трансформации всей системы международных отношений. Они ставят под сомнение и размывают фундаментальные концепты, лежавшие в основе миропорядка на протяжении веков: государственный суверенитет, монополию государства на насилие, традиционное понимание войны и мира, а также базовые этические и правовые нормы ведения боевых действий. Возникающая в результате «серая зона» правовой и моральной неопределенности создает плодородную почву для односторонних действий, подрывающих глобальную стабильность и безопасность. Мировое сообщество оказалось на развилке: либо позволить технологическому развитию бесконтрольно диктовать новые, жестокие правила игры, ведущие к анархии, либо приложить коллективные усилия для выработки адекватных механизмов управления, которые бы вписали новую технологию в рамки международного права и гуманитарных принципов.

В этом сложном и полном противоречий процессе ключевую стабилизирующую роль играют государства, приверженные принципам многополярности и верховенства права. Позиция Российской Федерации и Китайской Народной Республики, последовательно выступающих за укрепление центральной роли ООН и ее Совета Безопасности, предлагает конструктивную и ответственную альтернативу хаосу односторонних действий. Их подход заключается не в отрицании технологического прогресса, а в стремлении подчинить его целям поддержания международного мира и безопасности на основе четких, справедливых и универсально признанных правил. Усилия Москвы и Пекина по созданию международно-правовой базы для регулирования разработки, распространения и применения БПЛА являются вкладом в формирование более предсказуемого и безопасного мирового порядка, в котором суверенитет всех государств уважается, а сила применяется исключительно как крайняя мера и только на легитимных основаниях. Именно такой путь, основанный на диалоге, сотрудничестве и уважении к Уставу ООН, способен предотвратить сползание мира в новую эру высокотехнологичного беззакония и направить революционный потенциал беспилотных систем на благо всего человечества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Абрамов В.И., Гаврилюк А.В., Путилов А.В.** Цифровая безопасность и технологический суверенитет: новые вызовы для международного бизнеса // Международный бизнес. 2025. № 2 (12).
2. **Арутюнян В.А., Макаров И.Н., Широкова О.В., Дробот Е.В.** О больших вызовах и больших возможностях архитектуры европейской безопасности в контексте отношений России и Европейского союза // Экономические отношения. 2020. Т. 10. № 1.
3. **Геленидзе З.Л.** Безопасность Союзного государства: реальность и перспективы в трансформирующемся мире // Экономические стратегии. 2024. Т. 26. № 3 (195).
4. **Данельян А.А., Карпович О.Г.** США в период киберпандемии: проблемы фрагментации цифрового пространства // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2021. № 7.
5. **Игнатова К.Э., Малахова Е.П.** Кибербезопасность стран БРИКС: сравнительно-правовой анализ // Международные отношения и общество. 2023. Т. 5. № 3.
6. **Каткова А.Д.** Институциональные условия обеспечения безопасности платежей в условиях развития электронной коммерции // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2025. Т. 15. № 2-1.
7. **Леонова К.С.** Современные тенденции в сфере глобальной безопасности // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 6 (58).
8. **Мастепанов А.М.** Энергетическая безопасность в системе глобальных вызовов современности // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2021. № 4 (196).
9. **Мусяенко Т.В., Лукин В.Н.** Глобальное управление и глобальная безопасность: состояние и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2020. № 2.
10. **Ондуков И.** Глобальные вызовы // Гражданская защита. 2020. № 8 (540).
11. **Хуанфу Чжэнхуэй.** Национальная стратегия кибербезопасности США и ее глобальное влияние // Мировая политика. 2024. № 4.
12. **Цифровая трансформация информационной безопасности // Вестник связи. 2023. № 8.**
13. **Чэнь Е.** Организация Договора о коллективной безопасности: эффективность и вызовы на современном этапе // Вышэйшая школа: навукова-метадычны і публіцыстычны часопіс. 2024. № 3 (161).
14. **Le Coze J.Ch., Dupré M.** Safety as a network, digital and global reality // Safety Science. 2022. Т. 156.
15. **Vestergaard C., Umayam L.** Blockchain beyond cryptocurrency: a revolution in information management and international security // Bulletin of the Atomic Scientists. 2022. Т. 78. № 4.

SUN GUANGYA

Specialist, Moscow State
University named after M.V. Lomonosov,
Moscow, Russia

INTERNATIONAL SECURITY IN THE ERA OF UNMANNED AERIAL VEHICLES: TRANSFORMATIONS, CHALLENGES, AND GOVERNANCE

The article offers a comprehensive analysis of the transformation of international security amid the rapid proliferation of unmanned aerial vehicles (UAVs), which are radically reshaping the practice of using force, conceptions of sovereignty, and the architecture of global governance. The aim of the study is to identify how new technologies affect key categories of international law and political philosophy («sovereignty», «war», «legitimacy», «self-defense»), as well as which models of UAV regulation are emerging in world politics. The methodological basis includes an interdisciplinary comparative conceptual and discourse analysis, hermeneutic interpretation of official documents, national security doctrines, statements by political leaders, expert reports and academic literature, as well as a comparative juxtaposition of the classical Westphalian concept of sovereignty, the doctrine of «limited sovereignty» / «responsibility to protect», and an approach grounded in multipolarity and the UN Charter. The results demonstrate that the integration of UAVs leads to a blurring of the boundaries between war and peace, combatants and civilians, reinforces the trend toward «remote» and hybrid warfare, and creates a «grey zone» of legal uncertainty exploited to legitimize unilateral extraterritorial actions under the pretext of preventive self-defense and humanitarian purposes. Three competing models of legitimizing the use of armed UAVs are identified: unilateralist, technocratic, and collective-legal. The first two contribute to the erosion of international law, while the third – consistently advanced by the Russian Federation and the People’s Republic of China – relies on the central role of the UN and collective responsibility for maintaining peace and security. The conclusion substantiates that UAVs represent not only a military but also a normative-value «revolution», and that a stable world order in the era of unmanned systems is possible only through the development of universal, unambiguous, and legally binding rules for their development and use within a multipolar system of international relations.

Key words: unmanned aerial vehicles, international security, sovereignty, international law, multipolar world order.